

Евсеев Борис Тимофеевич [Москва, 10.11.1951] - прозаик, поэт.

Отец - русский, работник культуры; мать - украинка, школьная учительница. Получил музыкальное образование в ГМПИ им. Гнесиных в Москве (1971-1974), закончил ВПК при Литинституте им. А.М. Горького (1995). Преподавал музыку (1974-1991), работал обозревателем в «Литературной газете» (1992-1999) и замглавного редактора в еженедельнике «Книжное обозрение» (1999-2001). Член Союза российских писателей и русского ПЕН-клуба. С 1978 г. живет в Подмоскovie: пос. Заречный Сергиево-Посадского района.

Хотя, по признанию самого Евсеева, страсть к сочинительству стихов и рассказов захватила еще в детстве, всерьез литературным творчеством он занялся лишь в пору своего «гнесинского» студенчества. Однако все печатные органы, куда с 1974 г. обращался Евсеев, отвергают его произведения как «искажающие советскую действительность», «модернистские», «проникнутые духом реакционно-религиозной философии». И только в начале 90-х ему удается опубликовать небольшую подборку стихов под общим названием «Время лжи уже прошло, время истин не настало» (альманах «День поэзии», 1990) и рассказ «Орфейус» о трагической судьбе девушки, вынужденной зарабатывать на хлеб игрой на флейте в подземном переходе (журнал «Согласие», 1991, № 6). В принципе, эти публикации и открыли уже сложившемуся писателю дорогу в самые авторитетные издания того времени - «Новый мир», «Октябрь», «Москву», «Дружбу народов», «Континент», «Огонек», «Новый журнал» (США) и др.

С 1992 по 1995 г. у Евсеева выходят три поэтических сборника, в т.ч. «Шестикрыл» (Алматы, 1995), восторженно принятый поэтом и критиком М. Кудимовой, которая, выделив в миросозерцании автора телеологическую доминанту как определяющую особенности его проблематики и пафоса, писала: «Бинарная структура мира, по мнению Евсеева, несправедлива и тиранична... Он борется за всеединство» (Кудимова М. С. 6).

Действительно, идеей всеединства пронизаны буквально все стороны евсеевского творчества. Но если в «Орфейусе» еще заметно стихийное освоение различных

литературных традиций, представленных, в частности, именами Л. Андреева и Дж. Апдайка, то в «Николе Мокром» - рассказе о развернувшейся на глазах героя охоте на дезертира («Согласие», 1992, № 1) и последующих произведениях Евсеева властно заявляет о себе собственная ориентация на специфику слова как эстетического объекта. Художественные средства и приемы (метафоры, эпитеты, инверсия, гротеск, поэтическая этимология и т.п.) все чаще и целенаправленней используются им не в функции отклонения от «затертой» семантической или стилистической нормы, а в предметно-номинативной. Переносные значения словно бы обрубаются как излишние, чтобы дать простор самобытному, первородному - подлинному лику вещей в их очищенной от случайных связей сути. Поэтому «Никола Мокрый» - рассказ не только о пережитой в далеком детстве трагедии, не только врезавшиеся в память то ли сон, то ли реальное видение Николая Чудотворца, отказавшего в прощении человеку, который, следуя долгу офицера и гражданина, преступил в мирное время Божью заповедь: «Не убий!». Это вместе с тем повествование и о торжестве и изломе народной нравственности, о стойкости и одичании русского народа, перемоловшего революции, войны, пронесшего сквозь них чувства сострадания и справедливости, неукротимое вольнолюбие и широту души, но так и не сумевшего благоустроить свою жизнь, что подтверждается самим заглавием. Ведь если вспомнить, что просторечное «Никола» происходит от «Николая», означающего в переводе с греческого «народ-победитель», а «Мокрый» - синоним слова «плачущий», то буквальный смысл названия зазвучит так: «Народ-победитель Плачущий», что, конечно же, не отменяет другой ипостаси того же имени, той же сущности: «Плачущий святой чудотворец».

Вот эта недеклалируемая русскость, способность передать в слове взаимопроникновение социоисторического, метафизического и метафорического (иносказательного) смыслов национального бытия, и позволяет зачислить Евсеева в почвенники, а стиль его литературного письма назвать феноменологическим. Особенно ярко свойства этого стиля, в ряду которых - парадоксальность образов, гротескность, овеществленность поэтического языка, непривычное сочетание реалистических и модернистских элементов - проявилось в сборнике «Баран» (2001). В него вошли лучшие рассказы, опубликованные в журналистской периодике 1992-1999 гг.: «Никола Мокрый», «Узкая лента жизни», «Рот», «Садись. Пиши. Умри.», «Кутум» и конечно же - рассказ «Баран» и повесть «Юрод», ставшие знаковыми в литературном процессе рубежа веков. Оба произведения можно определить как поиск точки опоры в ситуации, когда слом бывшего уклада - взаимоотношений, верований, традиций - рождает ощущение нового, но еще не вызревшего бытия. В «Юроде» прозаик «фактически открывает в русской литературе тему последних людей последних времен - людей, навсегда утративших точку опоры в нравственности, в Боге, в идеалах, даже иллюзиях, в самих себе, наконец - ...главную философскую, религиозную и экзистенциальную тему XXI в.» (Красников Г. С. 4).

Название повести совпадает с цитируемой в ней балладой В. Жуковского

полуторавековой давности. Входя в систему мышления современного писателя, знаменитая баллада вступает в спор с печальной констатацией нынешнего упадка культуры, вкусов и нравов в некогда великой стране. Так, в сопряжении с названием, формируется смысловое ядро произведения, сосредотачивая читательское внимание на вопросе «о великих временах России, о громе ее парадов, о легкой суете балов, о смутных и торжественных пушечных залпах, о радостной трескотне военных реляций. Словом, о царских временах, которые вернуть невозможно, но которые хоть на краткие миги могут заместить своей радужной оболочкой и плотью лунное, старомертвящее время нашего столетия» (Ночной смотр // Литературная учеба. 2001. № 3. С. 86). Но художественная констатация здесь - не итог, а отправная точка в поисках желаемой гармонии.

Именно с появлением этого сборника и повести «Ночной смотр» (2001) критики дружно заговорили о «пронзительном лиризме» Евсеева (Коробов В. С.2; Ростовцева И. С.88); жизненной стойкости и достоверности его героев (Глушковская Л. С. 122-123); о принадлежности писателя к «редчайшей породе "работников со словом"» (Басинский П. О прозе Бориса Евсеева. С.5). Но, сходясь в общих оценках, мнения разделились в определении проблемно-тематических границ и направленности основных художественных идей Евсеева. Так, Л. Звонарева увидела главное достоинство писателя в постановке проблемы выбора нынешней интеллигенцией своего пути: «по мнению писателя, - считает критик, - у интеллигенции ныне всего три пути: самоуничтожение, холуйство и юродство» (Звонарева Л. С.5). Н. Репина наоборот полагает, что пафос автора направлен на «восстановление человеческих связей, сохранение тонких нитей сострадания, без которых, как без соли земли, жизнь человеческая невозможна» (Репина Н. С. 3).

Проблеме возрождения России посвящено и самое значительное произведение Евсеева - роман «Отреченные гимны» (сокр. вар. - в ж. «Дружба народов», 2002, № 11-12; полн. вар. - в отд. кн. изд. 2003 г.), обозначивший перелом в творческой судьбе писателя.

Завязку романа И. составляет попадание героя - правнука бывшего домовладельца и заводчика, Василия Всеволодовича Нелепина - из тихой провинции в октябрь 1993 г. После пролога (с предысторией возникновения романа) перед читателем встают картины осады Белого Дома, «хаос стрельбы» в сцене расстрела мирных жителей. Параллельно возникает альтернативная линия, где претворяется традиционная для русской литературы XX в. ситуация нравственного испытания - однако в мистико-религиозном аспекте. Речь идет о лабораторных исследованиях сверхтонкой «материи души» в некоей научной организации, работающей под прикрытием полугомерческой фирмы. Таким образом, в социоисторическое пространство романа,

вещающее множество сюжетных линий (не только связанных с деятельностью странной фирмы, но и работой одной из московских газет, жизнью провинции, а также историей любви главных героев, вплетаются фантастические мотивы. Историко-философскую подоснову религиозной линии составляет мотив мытарств русской души, ее испытаний в огне политических распрей. Верхним - и высшим, согласно философскому замыслу писателя - становится в романе «сквозной» сюжет о мытарствах души, видения которых возникают у испытуемых и записываются на пленку исследователями. Взаимодействие социоисторической и метафизической линий; введение христианских элементов и карнавализированной дьяволиады - все это (как и в случае с «Ночным смотром») роднит «Отреченные гимны» с булгаковским и другими образцами русского модерна.

По мнению П. Басинского, «Отреченные гимны» - «это очень серьезная попытка прорыва в новый современный Роман. То есть, Роман глубокий, содержательный, национальный (русский, попросту говоря), но и читабельный и завлекательный...» (Басинский П. Бремя романа. С.7). Сходной точки зрения придерживается и А.Варламов (Молва гудит. С.4). Н. Переяслов, наоборот, увидел в романе Евсеева многословие и длинноты, вызванные тем, что «в основе движущей силы его сюжета оказалась не столько логика развития описываемых событий, сколько ... своеволие самого автора» (Переяслов Н. Жизнь журналов // День литературы. 2003. № 1. С.8).

Не менее дискуссионным стал и вопрос о типе художественного мышления Евсеева. Так, П.Басинский (Цит. соч. С. 5-6) и В. Коробов (Цит. соч. С. 2), по существу, относят Евсеева к последователям классического реализма; И. Ростовцева (Цит. соч. С. 89) - романтизма; С.Василенко зачисляет его в представители «нового реализма», взявшего многие приемы, которые наработал и модернизм, и постмодернизм (Молва гудит. С. 4); А. Большакова, опираясь на филологические концепции В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, М.М.Бахтина, В.В.Кожина, считает возможным говорить о формировании в творчестве Евсеева неомодернизма, глубоко христианского в своей онтологической сути (Большакова А. Феноменология лит. письма. С. 5-6, 11, 113-114). Безусловно, все эти точки зрения имеют право на существование, т.к. раскрывают разные грани дарования этого ярчайшего представителя так называемой «новой русской прозы».

Евсеев - лауреат Национальной Артийской премии Министерства культуры РФ и многочисленных журнальных премий. Его проза и стихи переводились на английский, немецкий, арабский и другие языки.

align=center>Сочинения:

Сквозь восходящее пламя печали: Стихотворения. М. 1993;

Романс наизусть: Стихотворения. М. 1994;

Шестикрыл: Стихотворения. Алматы. 1995;

Баран: Повести и рассказы. М. 2001;

Власть собачья: Повести и рассказы. Екатеринбург. 2003;

Отреченные гимны: Роман. М. 2003. align=center>Литература:

Кудимова М. Жив-жив-жить... // Независимая газета. 1996. № 133. С. 63;

Звонарева Л. Петух-наркоман и Шамаханская царица // Литературная газета. 1998. № 34-35. С. 5;

Басинский П. Юроды и уроды // Дружба народов. 1999. №4;

Красников Г. Последние люди последних времен // Литературная газета. 2001. № 12. С. 4;

Ростовцева И. Время убывающей луны // Литературная учеба. 2001. №3. С. 88-93;

Репина Н. Зверь Зияющий // Алфавит. 2001. № 26;

Коробов В. Беги, баран, беги! (Книга событие) // Литературная Россия, 2001. № 37. С. 2;

Глушковская Л. Лицом к дороге: О прозе Бориса Евсеева // Вышгород (Таллинн). 2002. № 5. С. 122-123;

Большакова А. Странные вещи века // Октябрь. 2003. №2. С. 183-185;

Переяслов Н. Уран в Рыбы - мистика под ребро // Литературная газета. 2003. №5. С. 7;

Басинский П. Бремя романа // Литературная газета. 2003. №6. С. 7;

Басинский П., Варламов А., Василенко С., Турков А. и др. Молва гудит: роман-поступок // Литературная Россия. 2003. № 15. С. 4;

Большакова А. Феноменология литературного письма. О прозе Бориса Евсеева. М. 2003.